

По оленепоголовью Чукотка
занимает сегодня в России
второе место после
Ямало-Ненецкого округа.

ПЕРВЫЙ РЕВКОМ

Как мы считали и лечили оленей

ЧУКОТКИ

В 1977 году поголовье северного оленя (*Rangifer tarandus*) на Чукотке составляло 547 тысяч голов, но к 2000 году сократилось в десять раз. Сегодня благодаря программе поддержки оленеводства поголовье выросло до 190 тысяч животных.

Чукотское оленеводство – дело непростое: олени стада буквально растворяются на бескрайних просторах и в хаосе сопок. Человеку, чтобы удерживать подле себя полудиких животных, требуются изрядное умение и сноровка. А тут еще погода поблажек не дает, да и волки не дремлют. Чуть зазевался, враз можно растерять наработанное годами! Поэтому считают оленей регулярно.

Вот и в усть-бельском хозяйстве со звучным названием, доставшимся с советских времен – «Первый ревком Чукотки», стада просчитывают несколько раз в год. Например, осенью, когда помимо прочего необходимо узнать, насколько пополнилось оленепоголовье подростим за лето молодняком.

Для этого с центральной усадьбы отправляется целая экспедиция. На большом вездеходе уложен кораль – передвижной загон. На двух других едет непосредственно отряд коральщиков со своим скарбом: рабочие, зоотехники, ветспециалисты.

ЗАПОЛЯРНЫЙ ОАЗИС Первая остановка – перевалочная база Афонькино, расположенная посреди одноименной рощи. На Чукотке с ле-

сом, прямо скажем, небогато, а тут вокруг старых домиков высятся тополи и ивы-чозени. Вдоль и поперек роща живописно изрезана многочисленными рукавами местной речушки. После тундрового однообразия этот реликтовый оазис не может не радовать глаз. К тому же в подлеске в изобилии ягодники: красная смородина, шиповник, голубика.

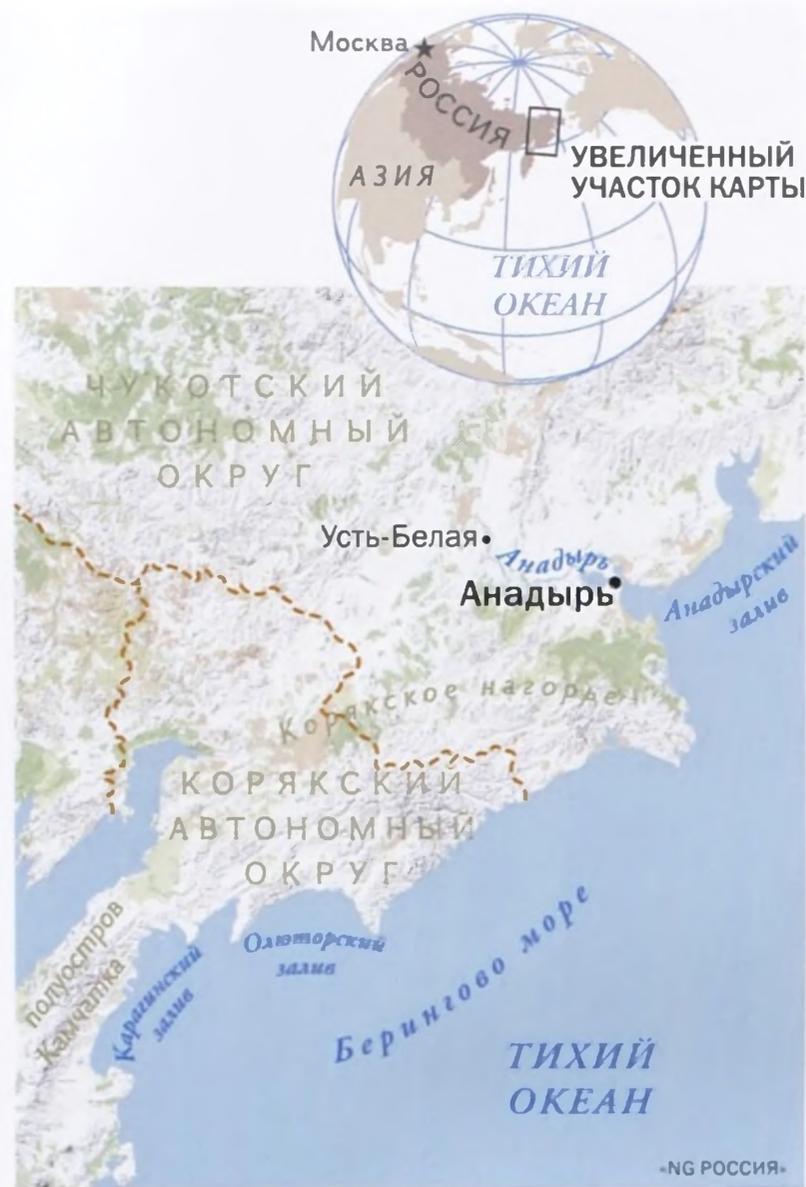
Быт на Афонькино скромн. Зато оленеводы, оказавшиеся поблизости, могут здесь пополнить запасы продовольствия и горючего для техники. Да и просто передохнуть и помыться.

КОРАЛЬ Позади остались сотни километров путевого бездорожья. Экспедиция прибыла в первую бригаду. На возведение коралья ушло полдня, к утру загон полностью готов.

Большое стадо в кораль загоняет всего один пастух. Остальные, образуя живую преграду, ложатся по сторонам. Тихим посвистом успокаивая встревоженных оленей, загонщик передвигается от одного края стада к другому. Идет неспешно, вразвалочку и лишь взмахом аркана осаживает беспокойных самок-важенок, пытающихся увести своих телят в сторону. Постепенно человек «вдавливает» животных внутрь коралья. Но беспрекословно входят лишь старые ездовые кастраты, спокойно выискивая ягель под копытами. Большинство же оленей, поддаваясь примеру мечущихся самок, хотя не раз участвовали в подобной процедуре, нервничают. И, как обычно в случаях опасности, они пускаются по кругу. Ускоряясь, животные почему-то всегда закручивают бег против часовой стрелки. И традиционно наиболее сильные прячутся в середину, с краю вынуждены бежать слабые, в основном молодняк.

Пытаясь утихомирить животных, одинокий загонщик продолжает неустанно насвистывать. Этот монотонный посвист словно гипнотизирует впадающих в массовый психоз

Загонщики, редкой цепочкой обступив полукольцом стадо, потихоньку наступают на оленей, вынуждая последних входить в кораль. Когда крутящийся клубок стада оказывается внутри, загонщики отрезают рогачам путь к отступлению (внизу).

парнокопытных. Мол, все нормально, успокойтесь, тише-тише! И что странно – помогает: олени замедляют бег. Так или иначе, стадо оказывается внутри кораля. Следует короткая команда, загонщики с длинными полотнищами в руках бросаются перекрывать рогачам путь к отступлению.

ОЛЕНИ И САМОЛЕТЫ «Заго-о-он!» – протяжная команда возвестила о начале работы кораля. И все пошло своим чередом, словно отлаженный конвейер. Раз за разом коральщики с криками отсекают от общей массы стада очередную партию и загоняют до полутора сотен животных в так называемую предвариловку.

Затем ошалевших оленей более мелкими группами перегоняют через еще меньшую камеру – и дальше по станку, где животным вкалывают под шкуры вакцины против бруцеллеза и личинок подкожного овода. Тут же у быков-производителей берется кровь на анализ. Дело движется быстро: только и слышится дробь копыт по настилу станка, перемежающаяся репликами и криками коральщиков.

– Важенка, бычок... Коли его... Получил свою порцию, отваливай... А ты куда прешь, черт рогатый... Кровь идет! Кро-о-вь!..

В станок влетает бык-производитель. Преграждая путь рогачу, его поджидает ветспециалист Петр Омрытагин с неизменной пробиркой и толстой иглой в руках.

– О, дяденька, иди сюда, – шутливо приветствует он. Опасаясь рогов, Петр бочком подступает к быку.

Несколько секунд – и процедура закончена. Отпущенный олень с выпученными глазами со всех ног улепетывает от кораля.

Вдруг сквозь шум доносится гул турбин. Через какое-то время прогудел другой самолет...

Завершающий этап вакцинации – станок. В узком проходе, сооруженном из деревянных щитов, не разогнаться. Рабочие с ходу круто заламывают рогачам голову набок, а ветеринары шприцами-дозаторами быстро вкалывают медпрепараты против овода и бруцеллеза.

Для настоящего пастуха олень – смысл его жизни. И не важно, что со времен советской коллективизации бригадные олени юридически принадлежат не тем, кто их пасет, – потомственный тундровик воспринимает стадо по-хозяйски, как личное достояние!

Занятно: там, высоко за облаками, люди летят по своим делам и не задумываются, что под ними, посреди Чукотки, кто-то в это же самое время упражняется с оленями.

Вроде разделяют нас какие-то километры, но на самом деле мы словно в разных мирах. Там высокие технологии, комфорт, гипертрофированная безопасность: крохотный перочинный нож воспринимается как потенциальная угроза. В тундре все по-другому. У каждого на поясе настоящий тесак, а то и два. И никто разрешения на ношение холодного оружия не спрашивает. Здесь действуют неписанные правила, и все куда проще. Здесь люди и олени, взмыленные от пота: и пыль летит во все стороны, и шерсть клочьями. Другая жизнь!

БРИГАДНАЯ МЕТКА На выходе из кораля на карандаш берется каждое животное. Причем учет идет не абы как, а по категориям: важенки отдельно, бычки отдельно и так далее, кастраты, третьяки... Помогает пересчитывать стадо старый опытный оленевод Николай Ынке-наймын. Слово заведенный, он раз за разом

громким протяжным голосом по-чукотски называет, к каким категориям относятся олени, стремительно выскакивающие один за другим из станка. То и дело слышится:

– Кею... кею... – значит, зачастили телята.

А их уже ждут. Молодые пастухи устраивают целые соревнования, состязаясь, кто больше изловит чаатом-арканом телят. В азарте арканы сталкиваются в воздухе, путаются. Пойманные малыши отчаянно бьются в удавке. Их тут же валят на землю и быстро вырезают ножом на оленьих ушах бригадную метку. По такой метке, если теленок отобьется от сородичей, определяется его принадлежность к тому или иному стаду.

Поддалась всеобщему азарту и повариха Елена Яник. Неторопливо собрала кольцами

Вверху: оленя лишь условно можно считать одомашненным. Общение пастухов с животными происходит в основном с помощью чаата-аркана. Справа: оленина – главное блюдо в меню тундровиков.

Экспедиция коральщиков возвращается домой. Позади – пять недель нелегкого путешествия.

аркан, бросок... оп! Петля захлестнулась точно на шее проносащегося мимо теленка. Парни от удивления дружно вскрикнули. Зря удивляются – в юности Елена не один год пастушила наравне с мужчинами.

А сестры-хохотушки Дуся и Матрена Ынке-наймын обходятся без арканов: вытаскивают брыкающихся кею прямо из станка. Ухватившись за тонкие рожки, тундровички весело борются с телятами – окрепшие за лето малыши упираются изо всех сил! Да куда там, девчата оставили парней совсем без работы – земля вокруг сплошь усеяна обрезками нежной кожи с телячьих ушей.

ДИКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО Чтобы заинтересовать оленеводов в улучшении показателей, в «Ревком» организовали соревнование на самое упитанное стадо. Победителям обещан новенький снегоход. Одним из явных фаворитов считается седьмая бригада. И в самом деле, упитанность в их стаде выше всяких похвал.

Причина – в вольном выпасе. Пастухи по большей части лишь наблюдают за своими рогатыми питомцами со стороны, предоставляя оленям пастись самостоятельно. Вот и нарастили парнокопытные на вольных хлебах жир в два-три пальца толщиной. Стали упитанными и дикими.

Пока своенравных животных седьмой прогнали через кораль, все здорово намаялись. На обработку стада потребовалось три дня, а сколько нервов было потрачено! В сумятице загонов обезумевшие олени ломали себе ноги, рвали полотно кораля и вырывались наружу. Доставалось и людям. Вот зазевался коральщик – и оказался под лавиной парнокопытных. Все, конец! Нет, поднялся, кривясь от боли, захромал в сторону. Счастье, что рогачей не подковывают – парень отделался лишь ушибами. Повезло!

ИДИ ГЛАЗКИ КУШАТЬ Конечная точка длинного пути – Осиновая. Почему роцку так назвали, когда вокруг ни одной осины, – загадка. Зато вдоль реки на километры протянулись заросли тополя и чозении. А еще можно увидеть бере-

зу, вот уж удивительная встреча! В общем, вокруг настоящий лес с буреломами и звериными тропами.

Коральщики в гостях у десятой бригады. В стойбище оживление, в котлах варятся большие куски оленины. Выложенное затем в большой эмалированный таз мясо аппетитно парится на морозце. Ешь от души, сколько сможешь осилить. Но после месячной мясной диеты непривычному человеку уже очень хочется хотя бы молочного супа. Сварили кашу на оленьей крови, и тундровики уплетают за обе щеки.

Рядом с приезжими целый день крутится маленький будущий оленевод – Богдан, мальчонка лет шести. Чумазый мальчуган столько доволен – столько народу понаехало к его

мордашки не сходит беззубая озорная улыбка. Если же кто из взрослых откликается поиграть с ним, тундровичок и вовсе на седьмом небе от счастья.

И пускай от мокрого снега он давно продрог и промок, в тепло его не загнать.

– Богдан! Богдан... – позвал младший братик, сидящий подле матери, которая по локоть в крови разделывала оленью голову. – Иди глазки кушать!

– Глазки? – переспросил с неизменной улыбкой Богдан. Неуклюже загребая снег большими отцовскими сапогами, мальчик направился за угощением. Мама, предварительно надрезав кожицу, протянула большой, еще теплый глаз. Богдан с видимым удовольствием отправил деликатес в рот как есть, сырым. Чукотские мя-

соеды по сей день термообработкой пищи не злоупотребляют и нередко обходятся без огня.

СЕРЫЕ ВОРИШКИ Еще три дня упорных трудов, и все закончено. Последнее стадо обработано.

– Неужели все?! – с удивлением воскликнул молодой коральщик, провожая взглядом последнего оленя. Свершилось! У всех приподнятое настроение – завтра домой! Но нет. Как назло, ночью часть товарного стада, отбитого для забоя на мясо, под покровом снежной круговерти, угнали волки. Пастухи на вездеходах сразу отправились на поиски, а остальные замерли в томительном ожидании. Наконец четыре сотни животных возвращены, волки зарезали только пару оленей. Сегодня удача явно не на стороне серых разбойников. □